

УДК 81.42

DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-4-532-539

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ДИАХРОНИЧЕСКАЯ МАТРИЦА
(ЭВОЛЮЦИЯ ИМЕНИ ПЛЮШКИН В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ)**

**PRECEDENT NAME MATRIX AS THE DIACHRONIC (THE EVOLUTION OF THE
NAME PLYUSHKIN IN THE COMMUNICATIVE CONSCIOUSNESS)**

А.С. Титова

A.S. Titova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: titova_a@bsu.edu.ru

Аннотация

В рамках современной постнеклассической науки релевантным является анализ исторически развивающихся культурных феноменов, в связи с чем для лингвокультурологических исследований весьма актуальным становится рассмотрение прецедентного имени в диахронии. Последовательное изучение разновременных контекстов, в которых встречается конкретное прецедентное имя, позволит решить вопрос об изменчивости / устойчивости набора дифференциальных признаков полисемичного прецедентного имени. Цель работы – выявить дифференциальные признаки прецедентного имени «Плюшкин» путём анализа публицистических и художественных контекстов XIX–XXI веков, в которых встречается имя персонажа поэмы Н.В. Гоголя, и проследить изменчивость / устойчивость комплекса дифференциальных признаков прецедентного имени. Автором доказано положение о возможности изменения и трансформации дифференциальных признаков прецедентного имени. Работа рассчитана на круг лингвистов-исследователей, занимающихся изучением особенностей функционирования прецедентных имён как лингвокультурных феноменов и будет полезна для учёных, интересующихся общими проблемами прецедентности и вопросами интертекстуальности.

Abstract

In the framework of modern post-non-classical science, the analysis of historically developing cultural phenomena is relevant, and therefore the consideration of the case-name in diachrony becomes very relevant for linguo-cultural studies. A consistent study of different contexts in which a particular precedent name occurs will solve the question of the variability / stability of the set of differential features of a polysemic precedent name. The aim of this work was to identify differential characteristics case-name «Plyushkin» through the analysis of journalistic and artistic contexts of the XIX–XXI centuries in which the name of the character of the poem N. Gogol, and trace the variability / stability of complex differential characteristics precedent name. On the basis of the analysis the position about possibility of change and transformation of differential signs of a precedent name is proved. The work is intended for a circle of linguists-researchers engaged in the study of the functioning of precedent names as linguistic and cultural phenomena and will be useful for scientists interested in General problems of precedent and intertextuality.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный феномен, дифференциальные признаки, полисемичное прецедентное имя, ведущий дифференциальный признак.

Key words: precedent name, precedent phenomenon, the differential characteristics of the precedent name, precedent name only, leading the differential characteristic.

Введение

Прилагательное «прецедентный» вошло в активное употребление в отечественной лингвистике во второй половине XX века, когда стало понятным, что именно этот термин и стоящий за ним феномен удовлетворяет потребностям нескольких гуманитарных филологических направлений, сформировавшихся к тому времени на почве антропоцентризма.

В работах основоположника отечественной теории прецедентности Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987; 2004] в свете теории языковой личности определяются особенности прецедентного текста:

1) как элемента когнитивной и эмоциональной сфер индивидуума (тексты, *значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях*);

2) как звено коммуникативно-социальной цепи (*имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников*);

3) как культурный знак (*обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности*) [Караулов, 1987, с. 216].

Именно эти векторы и определили дальнейшие лингвистические изыскания: современная теория прецедентности развивается учеными, занимающимися проблемами когнитивной, коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии [Караулов, 1987; Захаренко, Красных, 1997; Гудков, 1999; Слышкин, 2000; Алефиренко, 2005; Нахимова, 2007; Чумак-Жунь, 2019 и др.]. Определение прецедентного текста, данное Ю.Н. Карауловым, взяли за основу для дефиниции более широкого понятия (прецедентный феномен) московские ученые И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, которые создали популярную сегодня классификацию прецедентных феноменов: прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС) и прецедентное имя (ПИ) [Захаренко и др., 1997, с. 82–84].

Среди прецедентных феноменов (ПФ) выделяются, на наш взгляд, ПИ в силу своей формальной компактности и содержательной многомерности, и, что наиболее важно, ПИ нередко функционируют в языке как отсылки к определённым ПВ, ПС и ПТ.

Можно согласиться с утверждением, что прецедентные феномены «входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества, что определяет их важность в построении как языковой, так и концептуальной картин мира и позволяет говорить о них, как о необходимом условии формирования культурно-языковой компетенции» [Косиченко, 2006, с. 5]. Соответственно, важнейшей характеристикой прецедентных феноменов, которая обуславливает актуальность их рассмотрения в ситуации постмодернизма, является их способность фиксировать культурный, исторический и языковой опыт носителей языка, выступая как стереотип, в немалой степени определяющий модели поведения членов данного лингвокультурного сообщества.

Ядро прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, через которые определяются функции данной языковой единицы в тексте-реципиенте. Общее понятие «дифференциальные признаки прецедентного имени» изучено подробно, но для безошибочной интерпретации смысловых приращений, создаваемых введением прецедентных имён в тексты-реципиенты, по нашему мнению, необходимо подробно исследовать дифференциальные признаки полисемантических прецедентных имён. Целью настоящего исследования является анализ дифференциальных признаков прецедентного имени «Плюшкин».

Объект и методы исследования

Прецедентное имя, как любой прецедентный феномен, с одной стороны, является порождением культурной среды, с другой же стороны, оказываясь в определенных дискурсивных потоках, является «диахронической матрицей» [Топоров, 1987], сквозь которую просматривается другой текст.

Под прецедентным именем в лингвистической науке понимают «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова, 2007, с. 4].

Прецедентное имя – это имя известного человека (реального или вымышленного), определенного предмета или явления из истории политики, музыки, кино и литературы, которое функционирует в языке одновременно и как имя собственное, и как имя нарицательное. Ср.: 1. *Тулонская битва 1793-го года – первая большая победа **Наполеона***. 2. *Ну тебя и планы на эту неделю, **Наполеон!*** В первом случае речь идет о французском императоре XIX века Наполеоне Бонапарте, приводится известный исторический факт. Во втором случае имя *Наполеон* выступает знаком-символом черты характера человека, строящего далеко идущие планы, которые вряд ли смогут осуществиться.

Важно отметить, что в отличие от онимов, частично или полностью перешедших в разряд нарицательных (Нарцисс, Август, Ватт), прецедентные имена активно функционируют в языке как в экстенциональном (прямом), так и в интенциональном (переносном) значении [Флейшер, 2014, с. 51]. Среди имен собственных выделить имя прецедентное позволяет наличие у последнего инварианта восприятия (ИВ). ИВПИ – «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Захаренко и др., 1997, с. 84].

При интенциональном функционировании ПИ может характеризовать предметы по одному признаку (терминологичное имя) и по нескольким (полисемичное имя). Например, имя *Обломов* является терминологичным, выступая в языке исключительно символом лени, так как других дифференциальных признаков (черта характера, внешность, ситуация, связанные с ПИ) в ядре инварианта восприятия данного ПИ не закрепились [Захаренко и др.]. В свою очередь, ПИ «Плюшкин» является полисемичным, функционирует в языке и как знак-символ скупости, и как знак-символ патологического накопительства. Ср.: 1) *«Каждый из нас в душе немного **Плюшкин** — мы склонны годами хранить ненужные вещи, переставляя их с места на место. Разом выкинув весь мусор, вы наконец свободно вздохнете, поверьте нам»*¹. 2) *«Если в душе ты отважный путешественник, но **внутренний Плюшкин** <...> то тебе точно пригодятся советы и список полезных ресурсов от руководителя международного направления МГЕР»*². Так, в обеих интернет-статьях употребляется ПИ «Плюшкин», в первом контексте происходит отсылка к дифференциальному признаку «патологическое накопительство», во втором – к «скупости».

В случае рассмотрения особенностей функционирования в языке полисемантических имен мы можем говорить о возможности выделения «ведущих» и «сопутствующих» дифференциальных признаков ПИ, которые устанавливаются методом статистического анализа. Актуальной представляется проблема возможности изменения «ведущего» дифференциального признака ПИ.

«Плюшкин» – литературное ПИ, его источником является художественное произведение, поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842 г.). С середины XIX века и по сегодняшний день данное прецедентное имя активно функционирует в текстах-реципиентах (литературоведческих статьях, художественных произведениях, очерках, интернет-статьях и т.д.) как в экстенциональном значении, так (что наиболее важно для выделения имени как прецедентного) и в интенциональном значении. Материалом нашего исследования являются тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)³, и тек-

¹ 8 лайфхаков для быстрой уборки (сайт). URL: <https://www.womanhit.ru/lifestyle/home/2019-03-19-8lajfhakov-dlja-bystroj-uborki/>

² МГЕР советует: Как объездить весь мир, не тратясь? (сайт). URL: <http://www.molgvardija.ru/nextday/2018/09/05/96227>

³ URL: <http://www.ruscorpora.ru>

сты, выявленные путем интернет-поиска на сайте Google Новости¹. Всего нами проанализировано 253 контекста, в которых употребляется ПИ *Плюшкин*, 162 из которых – примеры употребления имени как знака-символа: черты характера (скупость, патологическое накопительство), внешности (нищий старик, одетый в лохмотья), прецедентной ситуации (наличие кучи хлама в доме) и других возможных дифференциальных признаков, находящихся в периферийной зоне инварианта восприятия ПИ (например: человек с трагической судьбой, приведшей в последствии к болезни патологического накопительства). Для выявления развития особенностей функционирования ПИ *Плюшкин* в русском коммуникативном сознании тексты-реципиенты распределены по трем временным отрезкам:

- 1) XIX – нач. XX века (184–1917 год);
- 2) XX век (советская Россия: 1917–1991 год);
- 3) XXI век (1991–2019 год).

Эволюция ПИ «Плюшкин» в коммуникативном сознании прослеживается на примере семантической трансформации «ведущего» дифференциального признака.

Результаты и их обсуждение

В связи с тем, что авторы некоторых текстов, используя имя Плюшкин, обращаются одновременно к нескольким дифференциальным признакам ПИ, статистический анализ проводится на основе соотношений количества не контекстов, а примеров употребления имени в тексте-реципиенте.

XIX – нач. XX века

Во временном отрезке 1842–1917-го года обнаружено 25 контекстов (31 пример) интенционального употребления ПИ. Ведущим дифференциальным признаком является скупость и связанные с ней ПС и ПВ (18 примеров употребления – 58 %): *«Не дам! – бормочет дедушка, хмуря брови и шамкая губами. – Ни копейки не дам! Пусть отец достает ей на башмаки в своих трактирах, а я ни копейки... <...> Чай, знаешь, какое письмо прислал мне намедни твой муженек... Скорей, пишет, по трактирам буду шататься да крохи подбирать, чем перед **Плюшкиным** унижаться... А? Это отцу-то родному!»* (А.П. Чехов. В приюте для неизлечимо больных и престарелых).

Известно, что скупость персонажа гоголевской поэмы доходила до такой степени, что он жил, как нищий, отказывал себе в самом необходимом и умер в нищете. Так, авторы текстов XIX века нередко «вспоминают» Плюшкина, когда рассказывают об одиноком старом человеке, живущем в нищете при имеющемся богатстве, в подобных случаях ПИ выступает знаком-символом ПС: *«Немецкий **Плюшкин**. В г. Майнце умер на днях отставной железнодорожный кондуктор, проживший 42 года в тесной темной каморке. В его вещах найдено более чем на 100 000 марок ценных бумаг»* (Мариупольская жизнь, 1913).

XX век

Количество контекстов – 29. Примеров употребления – 35. За ведущим дифференциальным признаком в текстах-реципиентах 1917–1991-го года закрепляется обращение к новому дифференциальному признаку: патологическое накопительство (16 примеров – 46 %).

Интересно, что накопительство героев, сравниваемых с гоголевским персонажем, как правило, не связано с целью денежного обогащения, скупостью людей, именуемых Плюшкиными. Герои текстов – коллекционеры в прямом и переносном смысле. Одни собирают действительно ненужные, старые вещи, мусор, другие коллекционируют предметы, представляющие научный и исторический интерес. В текстах о собирателях бесполезных предметов отрицательное отношение подчеркивается употреблением лексем с пейо-

¹ URL: <https://news.google.com>

ративной окраской: «хлам», «фрухлядь» и т.п.: «Он ввел меня в единственную, должно быть, жилую комнату в доме. Она была завалена **тряпьем и хламом** <...> Почти половина всех изразцов была из нее вынута, и в маленьких нишах от вынутых изразцов стояли заросшие пылью пузырьки с лекарствами, валялись пожелтевшие бумажные мешочки и лежали усохшие червивые яблоки. <...> Мне казалось, что я попал в начало прошлого века к гоголевскому **Плюшкину**. До этого я не представлял себе, что на Руси сохранились такие дома и такие люди» (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни).

В произведении советского писателя Глеба Голубева персонаж Званцев в разговоре именуется Плюшкиным археолога-коллекционера: «А мне тут, чтобы не скучать, дай еще черепков из твоих коллекций. <...>. Годятся черепки из древних гончарных печей, кирпичи из стен сгоревших домов, куски вулканической лавы из более отдаленных эпох, когда еще человека на Земле не было, или, на худой конец, просто камни, опаленные ударом молнии, но, конечно, далеко не каждый. К счастью, твои древние греки обожали по любому поводу зажигать жертвенные огни. Да и пожарниц у них сохранилось немало. Вот только ты, кротоподобный **Плюшкин**, дрожал над каждым черепком и кирпичиком» (Г. Голубев. Сын неба).

Встречаются контексты и с абсолютно положительной коннотацией, когда речь идет о собирании существенно важных деталей в какой-либо деятельности: «Актер, иногда даже замечательно, но притворяется, будто он **Шпигельский**. У этих притвор есть свои преимущества. В их игре всегда огромное количество деталей, подробностей, мелочей. Они, подобно **Плюшкину**, подбирают каждую **тряпочку** образа, каждую его **пылинку**» (А. Эфрос. Профессия: режиссер). Пример иллюстрирует жадное накопительство, представленное со знаком плюс.

XXI век

Количество контекстов – 108 (118 примеров употребления).

Ведущим дифференциальным признаком остаётся патологическое накопительство (57 % – 67 примеров). Это контексты с примерами, аналогичными текстам XX века, (где речь идет о людях – собирателях хлама и коллекционерах), но среди них выделяется значительная часть примеров (25 % – 17 единиц) употребления имени Плюшкин в медицинском термине «Синдром Плюшкина». Термин появился в медицинской науке в середине XX века и обозначает психическое расстройство личности: «**Плюшкина синдром** – патологическое влечение к собиранию и хранению всевозможных выброшенных за непригодностью, ненужных предметов, тряпок, ветоши. Наблюдается преимущественно в позднем (старческом) возрасте, при сенильной и глубокой атеросклеротической деменции» [Блейхер, Крук, 1995].

В современной русской языковой среде термин употребляется в СМИ, преимущественно в новостных газетных и интернет-статьях, рассказывающих о проблемах соседей, живущих рядом с человеком, страдающим синдромом Плюшкина: «Каждый собственник жилья волен нести в свою квартиру что угодно, но когда склад с вещами начинает перекочевывать на общие территории, у других жильцов есть право возмутиться: это нарушение санитарных норм и норм пожарной безопасности. Именно в такой ситуации оказались жильцы дома по улице **Шугаева** в Минске: их соседка страдает **синдромом Плюшкина** и тащит мусор не только в свою квартиру, но и во двор, и в подъезд»¹

Заключение

Таким образом, анализ функционирования прецедентного имени «Плюшкин» в текстах-реципиентах XIX–XXI века показал, что прецедентное имя целесообразно рассматривать как исторически развивающееся явление. Говоря о «ведущих» и «сопутству-

¹ Google Новости. Один против всех: как минчанин борется с хобби соседки с синдромом Плюшкина. Режим доступа: <https://news.google.com> (дата обращения: 12.03.2019).

ющих» дифференциальных признаках ПИ, мы должны учитывать возможность их эволюционирования. Дифференциальные признаки ПИ начинают формироваться в тексте-источнике, затем закрепляются при экстенциональном функционировании (для литературных ПИ – в литературоведческой критике, для исторических ПИ – в публицистике). Далее, если имя получает свою популярность и закрепляется в веках, оно уже активно функционирует и в интенциональном значении. В контекстах XIX века ПИ «Плюшкин» преимущественно выступает как знак-символ скупости, в текстах-реципиентах XX века «ведущим» становится дифференциальный признак патологическое накопительство, который используется для характеристики людей, тяготеющих к собирательству всевозможных, чаще всего ненужных, старых вещей. В XXI веке имя Плюшкин закрепляется в медицинском термине «синдром Плюшкина», который многократно встречается в современных средствах массовой информации, рассказывающих об одиноких людях, как правило, пожилого возраста, захламляющих из-за психологической болезни свои дома и квартиры всевозможным мусором.

Анализ позволяет сделать следующий вывод: рассматривая проблему функционирования прецедентных имён в коммуникативной среде, необходимо учитывать возможность трансформации комплекса дифференциальных признаков с целью безошибочной интерпретации контекстов, в которых встречается полисемантическое прецедентное имя, обладающее способностью создавать неоднородные смысловые приращения в текстах-реципиентах.

Результаты исследования будут полезны филологам, занимающимся проблемами прецедентности и интертекстуальности, а также учёным-лингвистам, интересующимся вопросами апелляции онимов.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. 2005. Спорные проблемы семантики. М., Гнозис, 326 с.
2. Беспалова Е.А. 2019. Прецедентные феномены в газетном тексте (на примере названий литературных произведений). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 9 (30): 28–36.
3. Богоявленская Ю.В., Буженинов А.Э. 2015. Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования. Политическая лингвистика, 2 (52): 137–142.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. 1995. Толковый словарь психиатрических терминов. URL: <https://psychiatry.academic.ru/> (дата обращения: 21.05.2019).
5. Гудков Д.Б. 1999. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 41.
6. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Д. 1997. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык, сознание, коммуникация, 1: 83–84.
7. Караулов Ю.Н. 1987. Русский язык и языковая личность. М., Наука, 261 с.
8. Karaulov Ju.N. 1987. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'[Russian language and linguistic personality]. М., Nauka, 261 p.
9. Караулов Ю.Н. 2004. Научная школа «Языковая личность». Гуманитарные Исследования, 3 (11):14–23.
10. Косиченко Е.Ф. 2006. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 224 с.
11. Красных В.В. 1998. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., Диалог-МГУ, 352 с.
12. Михайлова Ю.Н. 2003. Об эволюции лексикографического представления концепта Бог. Известия Уральского государственного университета, 28: 181–191.
13. Нахимова Е.А. 2007. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, УрГП, 207 с.

13. Нахимова Е.А. 2013. Прецедентное имя Пиночет в современных российских СМИ. Политическая лингвистика, 2 (44): 72–75.
14. Слышкин Г.Г. 2000. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М., Academia, 139 с.
15. Топоров В.Н. 1987. Заметки по реконструкции текстов. В кн.: Исследования по структуре текстов. М., Наука: 99–100.
16. Флейшер Е.А. 2014. Основы прецедентности имени собственного. Дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 164 с.
17. Чумак-Жунь И.И., Малышева М.С. 2017. Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества И.А. Чернухина. Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки, 21: 5–13.
18. Чумак-Жунь И.И. 2019. От фразеологизма к прецеденту: эволюция словесного образа в поэтическом дискурсе. В кн.: Фразеология в языковой картине мира: прагматические регистры. Сборник научных трудов по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии. Белгород, ООО «Эпицентр»: 229–233.

References

1. Alefirenko N.F. 2005. Spornye problemy semantiki [Controversial problems of semantics]. М., Gnozis, 326 p.
2. Bespalova E.A. 2019. Precedentnye fenomeny v gazetnom tekste (na primere nazvanij literaturnykh proizvedenij) [Precedent phenomena in the newspaper text (for example, the names of literary works)]. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika, 9 (30): 28–36.
3. Bogojavlenskaja Ju.V., Buzheninov A.Je. 2015. Precedentnoe imja «Napoleon» v istoricheskoj pamjati Francii: opyt korpusnogo issledovanija [The precedent name «Napoleon» in the historical memory of France: the experience of corpus research]. Politicheskaja lingvistika, 2 (52): 137–142.
4. Blejher V.M., Kruk I.V. 1995. Tolkovyj slovar' psichiatricheskikh terminov [Explanatory dictionary of psychiatric terms]. URL: <https://psychiatry.academic.ru/> (accessed: 21.05.2019.)
5. Gudkov D.B. 1999. Precedentnye fenomeny v jazykovom soznanii i mezkul'turnoj kommunikacii [Precedent phenomena in language consciousness and intercultural communication]. Abstract. dis. ... doc. filol. sciences. Moscow, 41 p.
6. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.D. 1997. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena]. Jazyk, soznanie, kommunikacija, 1: 83–84.
7. Karaulov Ju.N. 1987. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]. М., Nauka, 261 p.
8. Karaulov Ju.N. 2004. Nauchnaja shkola «Jazykovaja lichnost'» [Scientific school «Language personality»]. Gumanitarnye Issledovanija, 3 (11): 14–23.
9. Kosichenko E.F. 2006. Precedentnoe imja kak sredstvo vyrazhenija subjektivnoj ocenki [Precedent name as a means of expressing subjective evaluation]. Dis. ... cand. filol. sciences. Moscow, 224 p.
10. Krasnyh V.V. 1998. Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost' [Virtual reality or real virtuality]. М., Dialog-MGU, 352 p.
11. Mihajlova Ju.N. 2003. Ob jevoljucii leksikograficheskogo predstavlenija koncepta Bog [On the evolution of lexicographic representation of the concept of God]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 28: 181–191.
12. Nahimova E.A. 2007. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, UrGP, 207 p.
13. Nahimova E.A. 2013. Precedentnoe imja Pinochet v sovremennyh rossijskikh SMI [Precedent the name of Pinochet in modern Russian media]. Politicheskaja lingvistika, 2 (44): 72–75.
14. Sлыshkin G.G. 2000. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov [Linguistic-cultural concepts of precedent texts]. М., Academia, 139 p.
15. Toporov V.N. 1987. Zаметki po rekonstrukcii tekstov [Notes on the reconstruction of texts]. In: Issledovanija po strukture tekstov. М., Nauka: 99–100.

16. Flejsher E.A. 2014. Osnovy precedentnosti imeni sobstvennogo [The foundations of the precedent name]. Dis. ... cand. filolog. sciences. Saint-Petersburg, 164 p.

17. Chumak-Zhun' I.I., Malysheva M.S. 2017. Imja sobstvennoe kak precedentnyj fenomen poeticheskogo tvorchestva I.A. Chernuhina [Own name as a precedent phenomenon of I. Chernukhin's poetic creativity]. Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series, 21: 5–13.

18. Chumak-Zhun' I.I. 2019. Ot frazeologizma k precedentu: jevoljucija slovesnogo obraza v poeticheskom diskurse [From phraseology to precedent: the evolution of verbal image in poetic discourse]. In: Frazelogija v jazykovej kartine mira: pragmaticheskie registry: sbornik nauchnyh trudov po itogam 4-j Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po kognitivnoy frazeologii. Belgorod, OOO «Jepicentr»: 229–233.

Ссылка для цитирования статьи

For citation

Титова А.С. 2019. Прецедентное имя как диахроническая матрица (эволюция имени Плюшкин в коммуникативном сознании). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 38 (4): 532–539. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-4-532-539

Titova A.S. 2019. Precedent name matrix as the diachronic (the evolution of the name Plyushkin in the communicative consciousness). Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series. 38 (4): 532–539. (in Russian). DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-4-532-539